

Как-то, глядя в окно на проселочную дорогу, она угадала, что подъезжающий всадник — аптекарь. Она послала спросить его об этом, и оказалось, что так оно и есть. Однажды м-ль де Бурбон и м-ль де Рамбуйе развлекались тем, что угадывали имена прохожих. Они подозвали какого-то крестьянина: «Куманек, вас случайно не Жаном зовут?». — «Точно так, барышни, я — Жан Болван, к вашим услугам!».

Она порою слишком учтивла с такими людьми, которые того не заслуживают; но это — недостаток, которым обладают лишь немногие в наши дни, ибо учтивость нынче почти вовсе вывелась. Она уж слишком щепетильна, и слово «шелудивый», встречаемое в сатире или эпиграмме, вызывает у нее, как она говорит, неприятное впечатление. При ней не осмелишься произнести слово «зад», и это уж слишком, когда чувствуешь себя непринужденно. Маркиз и Маркиза Рамбуйе всегда держались излишне церемонно.

Ежели не считать, что у нее немного трясется голова, — а все потому, что она в свое время потребляла много амбры, — Маркиза все еще отнюдь не безобразна, хотя ей уже семьдесят лет.* У нее прекрасный цвет лица, и глухие люди утверждают, будто из-за этого она и не жалеет глядеть на огонь, словно на свете не существует каминных экранов. Она говорит, что самым ее большим желанием было бы власть погреться. Минувшей осенью, когда не было ни холодно, ни жарко, она поехала в деревню; но это с нею случается редко, да и находилась-то она в какой-нибудь полумиле от Парижа. От давнишней болезни губы у нее стали неприятного цвета, с той поры она всегда их красит; я бы предпочел, чтобы она ничего с ними не делала. Впрочем, ум ее столь же ясен и память столь же отчетлива, как если бы ей было тридцать лет. Именно от нее я почерпнул наибольшую и наилучшую часть того, что мною написано и будет напечатано в этой книге. Маркиза читает целыми днями, совершенно не уставая, и это для нее самое большое удовольствие. Я нахожу, что она подчас слишком уж уверена, дабы не сказать резко, в том, будто род Савелли — самый знатный род в мире.

Вуатюр

Вуатюр был сыном виноторговца, поставлявшего вино ко Двору. Его отец был большим любителем игры в пякет; еще и поныне говорит: «У вас на руках „кварт Вуатюра“», — когда вам выпадут шестьдесят шесть очков, составленных четырьмя картами, кои образуют кварт, ибо наш игрок всегда бывал уверен, что он выиграет, если к нему приходил этот «кварт». Вуатюр был игроком иного сорта, нежели его отец, как это видно будет из дальнейшего.

* Она прожила семьдесят восемь лет и не внушала при этом никакого отвращения.